

Думая об этом, его тёмно-синие глаза стали почти чёрными, как тушь. Он поднял руку, коснулся тёплой кожи на щеке другого человека, неожиданно оставил несколько лёгких поцелуев на его шее, а затем сильно укусил за мочку уха, хриплым голосом произнеся:

— Неужели ты так откровенен с другими, полностью доверяешь им?

Гу Чжису, крепко удерживаемый в его объятиях, чувствовал, что перед глазами всё расплывается от жара, и машинально тихо ответил:

— Как это возможно?

Синь Юаньань наклонился и поцеловал его в переносицу. Хотя в его глазах читалась радость, голос стал ещё более хриплым и неразборчивым:

— Правда?

Гу Чжису почувствовал, что даже держа его в объятиях, Синь Юаньань не унимался и пытался опустить руку ниже. Не выдержав, он резко вырвался из его объятий, вытер уголки рта рукавом и, опустив голову, допил чай из чаши из белого нефрита с цветком груши. Его взгляд больше не смел останавливаться на том человеке, и он с насмешкой произнёс:

— Если ты не веришь, зачем спрашиваешь?

Синь Юаньань, услышав гнев в его голосе, понял, что его действия, вероятно, разозлили его, но не чувствовал сожаления. Он подошёл к нему сзади и обнял. Гу Чжису лишь слегка сопротивлялся, а затем затих, и они стояли так в тишине.

Прошло много времени, пока снаружи Юэ Я очень тихо постучал в дверь, давая понять, что больше нельзя медлить. Только тогда Гу Чжису почувствовал, как тяжесть с его талии исчезла. Низкий голос всё ещё звучал в его ушах, горячее дыхание, казалось, всё ещё касалось его щеки, но фигура уже унесла с собой аромат цветов груши, растворившись вдали без следа.

«Любишь ли ты меня?»

Небо постепенно темнело. Человек, стоящий перед столом, не двигался, его взгляд был устремлён в окно, пальцы скользили по чаше из белого нефрита. Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем он закрыл глаза и глубоко выдохнул. Перед глазами снова вспыхнул огонь, смешиваясь с запахом крови и солёной горечью слёз, оставляя только аромат цветов груши, исходящий от того человека.

«Любовь... Когда же это началось, что каждый раз при виде того человека его сердце трепетало?»

«В этой жизни?»

В этой жизни они встречались лишь три раза, но уже могли обниматься и целоваться, что было куда ближе, чем в прошлой жизни. Он мог бы просто сопротивляться или сказать, что не хочет, но каждый раз, глядя в глаза того человека, он не мог устоять. Если бы тот настаивал, он, возможно, уступил бы, не думая о последствиях.

«Не в этой жизни».

Он вдруг медленно согнулся, закрыл глаза руками и тихо засмеялся, хотя сам не знал, над чем.

«В прошлой жизни».

Он думал, что совсем не любит его, что в той жизни он считал его лишь другом.

Но он не мог обмануть своё сердце.

В прошлой жизни, в бесконечной тьме дворца, только тот человек протянул ему руку, только тот человек смотрел на его изуродованное тело с любовью, горящей, как огонь. Он обманывал себя, что может вечно прятаться в тени, что его цель — месть, а не быть вместе. Но его сердце постепенно отворачивалось от него.

Он любил его, но не смел сказать — он слишком хорошо знал, что он умирающий человек, а тот ещё молод, у него впереди долгая жизнь. Он не был, как он, пеплом, сгоревшим дотла.

А тот человек был сияющим солнцем.

Он глубоко любил его, привязывался к нему, иногда сходил с ума, желая любой ценой убить всех, кто осмеливался смотреть на него, кто осмеливался любить его, чтобы тот мог любить только его, смотреть только на него, обнимать только его.

Но в конце концов он лишь притворялся равнодушным, не позволяя ему заметить свои чувства, наблюдая, как тот страдает, печалится, беспокоится, отчаивается, не произнося ни слова.

В тот день, когда дворец горел, он увидел его и втайне обрадовался. Он словно разделился на двоих: один желал, чтобы тот жил вечно, как солнце, а другой был готов отправиться в ад, лишь бы тот остался с ним.

Безумец с самого начала, будь то он или он.

В постепенно темнеющей комнате фигура за ширмой наконец выпрямилась, убрав руки с глаз и мягко опустив их на чашу из белого нефрита. Пальцы медленно сжимали чашку, пока подставка не издала резкий скрип. Он резко убрал руку, а затем снова начал нежно гладить чашу.

Если небо дало ему второй шанс, то в этот раз — будь то рай или ад, он пройдёт этот путь вместе с тем человеком, не позволив ему снова уйти.

Свет в комнате Двора Жунли внезапно зажётся. Цинхуань, несущая ужин, увидев это, радостно поспешила внутрь. В это время человек, уже шедший через густой персиковый лес, за которым следовала тень, внезапно остановился на каменной дорожке и тихо приказал:

— Запереть в темницу, проколоть ключицы.

Тень позади вышла из темноты. В руках он держал человека, который, как оказалось, должен был быть заперт в клане Гу. Это был Вэй Ю, пытавшийся навредить Гу Чжису, но втянутый в события в Сливовой роще, из-за чего члены клана Гу избегали его.

Сейчас он лежал без сознания, бледный, с синяками по всему телу, почти без одежды. Однако ни один из присутствующих не обратил на него внимания, и никому не было до него дела. Услышав голос из-под плаща, человек, державший его, тут же поклонился и быстро исчез в темноте.

Привести Вэй Ю обратно было лишь способом получить от него информацию.

— Да, господин.

Когда тень исчезла, человек в капюшоне сжал губы и направился к Покоям принцев. Его тяжёлые сапоги стучали по каменным плитам, угол плаща с узором цилиня развевался, но выражение его лица больше не было таким радостным, как когда он выходил из Двора Жунли, а стало мрачным.

Одна вещь, о которой он так и не спросил сегодня, находясь рядом с тем человеком в клане Гу.

Сегодня он внезапно отправился в резиденцию князя И не только из-за дела с земельным участком, но и потому, что несколько дней назад Юэ Цинь сообщила, что Гу Чжису знает о росе темной орхидеи и притягивании души, так как сам был отравлен этим в клане Гу. Но Юэ Цинь не сообщила, что именно произошло после отравления. Он догадался, что тот не хотел говорить, и, полный беспокойства, решил спросить.

Каждый раз, когда он видел того человека, он не мог удержаться от желания приблизиться. Они познакомились совсем недавно, но каждый раз, видя его улыбку, он радовался в глубине души, а когда тот задумывался, ему хотелось поцеловать его тонкие губы. Чем ближе он был к нему, тем сильнее билось его сердце — хотя в итоге он так и не спросил о яде, но, обнимая и целуя того человека, случайно заметил красную линию на внутренней стороне его руки, что немного успокоило его, и он ушёл.

Думая о Вэй Ю, этом дерзком шуане, который осмелился использовать грязные методы и замышлять против своего господина Гу Чжису, Синь Юаньань ускорил шаг и вскоре вернулся в Покои принцев. Закрыв окна и двери, он остановился перед потайной стеной у кровати, легонько постучал по стене, и та внезапно открылась, проглотив his чёрную фигуру.

В темноте раздавались неторопливые шаги. Вэй Ю, только что разбуженный ледяной водой, открыл глаза и увидел, что вокруг тьма, а его самого сковали цепями толщиной с руку ребёнка. Всё тело невыносимо болело, и он, дрожа, попытался пошевелиться, но цепи, пронзившие его ключицы, заставили его закричать от боли:

— А-а-а... Больно! Так больно! Кто ты? Кто так со мной поступил? Выйди! Выйди!

Чёрные полы плаща бесшумно остановились перед ним в тёмном коридоре. Чёрный капюшон скрывал лицо человека, а голос, хриплый и полный убийственной холодности, произнёс:

— Вэй Ю?

— Кто ты? — Вэй Ю, увидев, что кто-то пришёл, но не узнав его, был одновременно удивлён и напуган, дрожа и отползая назад. — Где я?

<http://bllate.org/book/16652/1525801>